

Листая страницы
прошлого

ОГНИ ТЕАТРАЛЬНОГО ПОДЪЕЗДА

ПОЖЕЛТЕВШИЕ, как листья, афиши (несколько их все еще сохранилось), две-три фотографии на стене — вот все, что осталось от екатеринбургских театральных страстей — торжественных оперных выходов, завистливых слез, серпантинов, которыми первые, дорогие ряды забрасывали своих кумиров, и восторженного рева райка.

Татьяну Вадимовну Клишину отец привез в Екатеринбург пятьдесят шесть лет назад, как раз в то время, когда на Дровяной площади у цирка открыли новый театр. И квартиру сняли против театра, в двухэтажном доме над парикмахерской, где теперь университет. Но в театр, где потом провела всю жизнь, она впервые попала несколько лет спустя. Тогда на спектаклях дежурили бдительные классные дамы, которые сразу бы опознали и уличили пробравшуюся в ряды гимназистку.

Любители (их было много в Екатеринбурге) только и говорили в то время о баритоне знаменитого в провинции Ульяно-

ва, приглашенного на первый сезон. Городские газеты наперебой убеждали «посещающую публику» взять билеты на бенефис своего любимца. Он пел Онегина. Из окошка над парикмахерской был виден театральный подъезд. За синим подъезжающего извозчика покачивались цилиндры и шляпки с перьями. У театра, под фонарями, еще было кое-как вымощено, а вокруг — знаменитая непролазная екатеринбургская грязь.

В этом же доме позже поселился Зелинский, блестящий хормейстер. Так он, бедный, извозчика брал через дорогу до театра добираться. Вот как!

Это рассказывает Вадим Александрович Клишин, муж Татьяны Вадимовны. Он тоже теперь на пенсии, тоже провел в театре всю жизнь, и до сих пор перед ним всегда раскрыты двери оперы. Но сюда, в Екатеринбург, перебрался позднее, в 22-м году. Тогда на четыре оперных спектакля ставили три драматических, а целое лето шли одни оперетты, и театр прогорал — публика все рав-

но не шла. Спас дирижер Маргулян, который поставил «Сильву», сделавшую сорок аншлагов.

— Народу — в зал не пробиться. Вы даже не представляете, как к нам шли!

Впрочем, зарплат в театре все равно не давали, и к концу года с изголодавшимися актерами рассчитывались мукой. Давали по полтора пуда прямо в театре, сразу за все.

Вадима Александровича хорошо знают театралы постарше. Он пел Елецкого, Сильвио, но своей лучшей партией считал ротного на ларинском балу. (Помните, он выскакивает, его окружают девушки, он им рассказывает, а они ему поют: «Ах, Трифон Петрович, как рады мы вам!»).

Но все это было позднее, в годы расцвета Свердловской оперы, когда в ней пели Козловский, Рейзен, Григорий и Александр Пироговы.

— А баритоны! Корелов, Щадин... Щадина вы не застали? Беспредельные голоса. И все прошло здесь, все пели

на этой сцене. А Кипоренко? В последний раз приехал сюда — ему 70 лет. Как он спел Радамеса!

Вадим Александрович хорошо помнит молодого, еще не известного Козловского («Арханов из Харькова целую трупку привез»), помнит, как вышел Козловский на оркестровую репетицию — готовили «Фауста» — и в полный голос спел свою знаменитую потом каватину.

— Вы представляете? Юноша спел, а весь оркестр встал ему аплодировать. До того он непринужденно это «до» взял!

Козловский любил верховую езду. Вместе с Клишиным они выступали в кавалерийской части — специально, чтоб дали лошадей, и потом целый день катались по городу.

Да, с кем только не пел, с кем не встречался Вадим Александрович в те годы!

Татьяна Вадимовна пела в хоре. Ее отец — Вадим Модестович Калиховский — был пианистом. С самого переезда, с 1912 года, он играл в немом тогда кинематографе. Там шли

ленты «Змея и женщина», «Пламя ревности», «Сыщик-гипнотизер», «Жестокое орудие мести». Шесть екатеринбургских кинематографов были опасными соперниками театра. Народ туда валом валил.

Но в кинематограф шли не только на «Змею». Вадим Модестович был серьезным камерным музыкантом, и любители брали дорогие билеты в «Лорант», чтобы специально послушать концерт собранного им трио.

Пришло время, когда зал наполнила новая публика. И в первых рядах, и в ложах часто сидели одни солдаты. Шинелей и шапок они не снимали. Театр не топили, и изо ртов дружно шел пар.

Актерам приходилось плохо.

— Декольтированы в с е страшно, а на ногах валенки. Выйдешь на сцену, посмотришь — все серые шинели. А нам интересно было для них петь. Откуда им было знать, что такое театр? Прежде зрители знали, в каком месте надо аплодировать, а эти вдруг

свистнут — мы даже не могли понять, зачем. То ли на Онегина сердятся, что он Ленского убил?..

А Татьяна Вадимовна видела в этом зале со сцены и папачки с красными лентами, и золотые погоны на чешских мундирах; носила домой из театра в кастрюльке суп из картофельной шелухи (тогда несколько артистов умерло от голода); как и муж, пела на репетициях и в спектаклях с Козловским, Рейзенем, обоими Пироговыми...

— Когда Маргулян приехал, он открыл сезон «Аидой». Аиду Сельвинская пела — она потом стала одним из лучших сопрано Союза.

Все это было в 1923 году. Но кажется все было вчера — и Аида у Нила, и звонкие копыта по улицам, когда Вадим Александрович катался с Козловским, и окошко над парикмахерской, в которое девочка-гимназистка следила за дамами, входившими в ярко освещенные двери театра. Огни рампы не забываются.

Р. МАЗИН.